

Его слава всемирна и непреходяща

Если мы гово-
рим, что Пушкин —

наше всё, то применительно к Шаляпину я, как певец, имея в виду не только басов, но певцов всех поколений, могу сказать: Шаляпин — наше всё. Мне приходилось много говорить и писать о Шаляпине, много раз выступать в посвященных ему спектаклях и концертах, я анализировал его творчество в своей книге, мысленно я часто обращаюсь к Шаляпину. Скажу сразу: Шаляпин — певец, почитаемый не только в России и не только любителями русской музыки. Шаляпин — это абсолютная величина. Его слава всемирна и непреходяща.

Шаляпин — русский певец, возвращенный на почве русского искусства, создатель основных ролей в русском басовом репертуаре, но он не менее мощно и ярко проявил себя в репертуаре европейском.

Я много говорил о Шаляпине с зарубежными деятелями оперного театра — певцами, дирижерами, режиссерами. Конечно,

Евгений НЕСТЕРЕНКО

Шаляпин — один из самых почитаемых в истории артистов оперы и один из, может быть, двух реформаторов оперного искусства не только у нас, но и во всем мире: я вспоминаю книгу, в которой как факт утверждается, что Мария Каллас в своем репертуаре совершила ту же революцию, выполнила ту же миссию, что и Шаляпин в басовом репертуаре и в опере вообще.

Большой театр отмечает 100-летие со дня дебюта Шаляпина на его сцене. Я не могу привязать творчество Шаляпина как-то определенно к Большому театру. Я больше читал, слышал, знал о его этапных выступлениях в частной опере Мамонтова, в Петербурге. Но, видимо, потому, что именно на этих сценах он впервые выступил в большинстве ролей, принесших ему с годами мировую славу. Не надо забывать, что он был первым исполнителем оперных произведе-

(Окончание на 3-й стр.)

Большой театр. — 1999. — 7 окт.

Его слава всемирна и непреходяща

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ний современных ему композиторов. И не только Римского-Корсакова. Можно не называть таких зарубежных композиторов, как Гунзбург, который написал оперу «Иван Грозный», и ее в Монте-Карло пел Шаляпин. Это скорее из области курьезов. Но образ Дон Кихота на оперной сцене создан Шаляпиным, и именно для него написал Массне эту оперу. А кинофильм по этой опере, мне кажется, — одно из крупнейших явлений мирового кинематографа. Мне трудно оценивать режиссуру, но такое актерское явление в кино в то время — это сенсация, до сих пор неоцененная, и прежде всего потому, что у нас этого фильма нет — мы не имеем прав на его показ. Его, как известно, иногда показывали на закрытых просмотрах, и я помню, как студентами Ленинградской консерватории мы ходили на специально для нас организованный просмотр. Мне довелось видеть фильм по телевидению где-то за рубежом. К сожалению, этот фильм не стал фактом нашей жизни, а хотелось бы

К счастью, у нас изданы практически все записи Шаляпина. И есть пластинка с записью его «Дон Кихота» не только на французском языке — он снимал две версии параллельно — не только на французском, но и на английском. Я, кстати, давал слушать ее англичанам, и они были в восторге от его английского произношения — произношения на языке, на котором он, как известно, не говорил. Но Шаляпин велик во всем.

Банально повторять, что само понятие «оперный певец» заключается в себе осознание, что речь идет об артисте, обладающем огромным спектром способностей. Все назвать трудно, но, конечно, это голос, владение голосом, музыкальность, актерское дарование, сценическая внешность, если угодно, фигура, рост, свойство фигуры брать на себя костюм (есть актеры, на которых даже специально сшитые костюмы плохо сидят), способность много за-

поминать, способность реагировать на различные сценические ситуации, желание постигать новое, чувство стиля, владение языками, яркая и выразительная дикция, способность гримироваться, создавать грим и костюм, внешний образ и так далее, и так далее, и так далее — можно перечислять бесконечно. Быть в какой-то мере поэтом, в какой-то — композитором. Шаляпин обладал всем. И большинство этих компонентов, входящих в понятие «оперный певец», было в нем абсолютно исключительным. Возможно, он не был столь одаренным живописцем, скульптором, поэтом и композитором, как певцом-актером, но во всем остальном, что я перечислил, это был действительно феномен. Даже если просто слушать его голос, вокально это совершенно гениально.

Записи Шаляпина — последняя сделана в начале 30-х годов, за несколько лет до его смерти, — это то, что можно слушать без конца, и это необыкновенно интересно, доставляет настоящее наслаждение. Записи других певцов его времени — это просто документы истории, а не явление искусства.

Фотографии Шаляпина в ролях — его грим, его костюмы, фотографии в частной жизни можно рассматривать часами — он везде интересен. Он очень любил фотографироваться, а надо сказать, что позировать — это тоже талант. Я видел огромное количество его неопубликованных фотографий, и даже самые случайные из них показывают, что он был артистом, он умел себя подать. Он всегда виден даже в большой группе. Рядом композиторы — Римский-Корсаков, Сен-Санс, Рахманинов, замечательные певцы, дирижеры и — Шаляпин. Это какая-то точка, на которую сразу падает взор, даже на общих снимках. А шаляпинские книги, письма! Ну, первая его книга, как известно, — в значительной степени творение Алексея Максимовича Горького, а вторая написана им самим, и

тут никаких уже влияний и подмен. Но все это, включая просто частные письма, — наверное, самые лучшие учебники оперного искусства.

К сожалению, Шаляпин не был одарен талантом педагога. В воспоминаниях одного кинорежиссера я прочитал, что театр, школу Шаляпин не мог бы создать — у него был другой характер, не было терпения педагога. Но то, что он оставил после себя две книги, то, что о нем много написано современниками, и то, что многое из его гигантского репертуара записано на пластинки, все это — его школа: и вокальная, и исполнительская, и актерская. В свое время мой учитель — профессор Василий Павлович Луканин, который пел с Шаляпиным, предостерегал своих учеников от копирования Федора Ивановича. Но, выходя в ролях Бориса Годунова, Досифея, Базилио, Филиппа, Мефистофеля, исполняя многие другие роли, романсы из репертуара Шаляпина, понимаешь, что до сих пор в этих произведениях мы испытываем влияние великого артиста.

О Шаляпине я могу говорить и писать очень много и даже бесконечно. Что-то мне довелось опубликовать, что-то высказыв в своих выступлениях, но появились новые сведения, которыми я не располагал, возникли какие-то новые соображения, когда я стал более опытным человеком и артистом. Я его до сих пор изучаю, я у него до сих пор учусь и горжусь, что пел на сценах, на которых пел Шаляпин, — на Мариинской, на сцене Большого театра, на сценах «Ла Скала», «Колон», Венской оперы и многих других.

Я обожаю его, обожаю его как артиста, профессионала, и чем больше я умею, чем больше я понимаю, тем больше перед ним преклоняюсь. И то, что Шаляпин является фактом нашей художественной жизни сейчас и останется им не только для России, — это неоспоримо. Шаляпин высится гордой и недоступной вершиной для всех певцов, всех возрастов, всех стран и поколений.